

## БЕЗПЛОДНАЯ ПЛОДОВИТОСТЬ

Въ этой статьѣ я намѣренъ развить мысль, вскользь выраженную въ одной изъ прежнихъ моихъ статей<sup>1</sup>. Ссылки и выводы одного изъ другого, надѣюсь, не удивятъ читателя: между мыслями, какъ и между статьями, связь очень естественна. Исходною точкой этой мысли я опять выбираю г. Писарева, съ которымъ мнѣ хочется поговорить какъ человѣку съ человѣкомъ, съ основательными по мѣрѣ силъ доводами, - какъ онъ и самъ приглашаетъ. Говорить обыкновенно хочется съ тѣми, кого способности въ нѣкоторой степени уважаешь. Г. Писаревъ не даетъ мысли, но вызываетъ мысль, какъ крайнее выраженіе той суетливой и тревожной публицистики, которая впрочемъ начата не имъ. Всякому хоть не много думавшему человѣку онъ даетъ прекрасный случай высказаться, и за это мы ему въ

---

<sup>1</sup> Теорія пользы и выгоды.

душѣ благодарны. Если многіе находятъ полезнымъ быть критиками художниковъ, то почему-же мнѣ не быть критикомъ публициста.

Г. Писаревъ безъ сомнѣнія хорошій компиляторъ, и если-бы не уклонялся отъ этого рода дѣятельности, то могъ-бы принести не малую пользу. Но онъ этою дѣятельностію не ограничивается, хочетъ быть мыслителемъ, и въ этомъ его ошибка. Мыслитель изъ г. Писарева вышелъ самый опрометчивый, особенно это ярко бросается въ его новой статьѣ о развитіи европейской мысли. До тѣхъ поръ, пока онъ компилировалъ Дреппера, все шло хорошо, но какъ сталъ высказывать свои мнѣнія - вышла нелѣпость. Аттила, говоритъ г. Писаревъ, назвалъ себя бичомъ божіимъ потому, что какъ умный человекъ чрезвычайно вѣрно понималъ свое историческое значеніе, значеніе-же это, какъ-бы вы думали, въ чемъ заключалось? Въ томъ, чтобы срыть до основанія классическую цивилизацию, - за что Гунны

и Вандалы и называются у г. Писарева прогрессистами. Откуда набрался Атила таких хитрых мыслей, это одному г. Писареву извѣстно. Скрыть до основанія классическую цивилизацію! Нѣкоторые вонь думаютъ, что для человѣчества было-бы несравненно лучше, если-бы между классическою образованностію и новыми вѣками совсѣмъ не было провала средних вѣковъ. Хотя и трудно рѣшить на сколько это справедливо, тѣмъ не менѣе нельзя забывать того факта, что новая исторія начинается со времени открытія классиковъ и возрожденія наукъ. Открытіе Америки, думается намъ, уже не такъ разграничиваетъ насъ отъ средних вѣковъ: вліяніе этого открытія началось гораздо позже.

Насъ впрочемъ интересуешь теперь не начало статьи, «въ основу которой легъ Дрепперъ, а конецъ «Нерѣшоннаго вопроса»<sup>2</sup>. Это замѣчательный въ своемъ родѣ конецъ. О чемъ тутъ только не

---

<sup>2</sup> «Русское Слово», ноябрь 1864 годъ.

говорится: и о Бентамъ и о непроизводительности юристовъ, и объ г. Аверкіевъ и о воскресныхъ школахъ, и о переводѣ Брема и объ игрѣ Ольриджа, и объ невѣжествѣ Гоголя, и о миндальностяхъ Гейне и т. д. Дѣйствительно это - нерѣшонный вопросъ, ровно ничего въ немъ не рѣшено и не доказано, и одна только угроза перерѣшить всѣ вопросы, которые на основаніи эстетической критики рѣшилъ Бѣлинскій, - остается въ душѣ читателя какъ непріятное воспоминаніе. Прежде чѣмъ дождемся мы этихъ статей, посмотримъ какъ г. Писаревъ самъ пытается рѣшать вопросы.

Онъ говоритъ, что относится съ глубочайшимъ уваженіемъ къ первокласснымъ поэтамъ, и называетъ ихъ въ тоже время то трусами и негодяями, бывшими однако умными людьми, то господами, прыгающими на одной ножкѣ и предающимися телячьимъ восторгамъ. Это особаго рода глубокое уваженіе къ міровымъ геніямъ, соединенное съ бранью,

онъ впрочемъ почувствовалъ недавно. Второстепенныхъ-же гениевъ по прежнему мѣшаетъ съ грязью. Гоголя, Лермонтова, Крылова и Грибоѣдова называетъ зародышами, а Пушкина просто пародіей на поэта. Но вѣдь міровые-же гении не понимаются толпой, какъ вы говорите; ихъ передаютъ второстепенные. Намъ значитъ не отъ кого и узнать ихъ, - гдѣ исходъ изъ всѣхъ этихъ противорѣчій? Гоголь, по вашему мнѣнію, основалъ новѣйшую русскую литературу, Гоголь создалъ столь полюбившуюся вамъ Коробочку, - какимъ-же образомъ онъ очутился въ зародышѣ? - Въ одной статьѣ г. Писаревъ говоритъ: плохо приходится поэтамъ; послѣдній поэтъ скажетъ послѣднему эстетикѣ: мы съ тобою одни, притворимся натуралистами... Искусство только для читательницъ сохраняетъ блѣдные лучи ложнаго ореола.... Эстетикамъ-же не приходитъ и въ голову, что трагическое всегда бываетъ также глупо, какъ и комическое (какъ-будто комическое глупо!), что глупость есть основа всѣхъ драмъ Шекспира.... Во

второй статьѣ Писаревъ говоритъ второе, въ третьей - третье. И это третье заключается въ томъ, что Гёте является у него то мировымъ гениемъ, то гальванической батареей, которая снабжаетъ электрическими искрами второстепенныхъ писателей. Бѣлинскій, бывало, если и перемѣнялъ образъ мыслей, то говорилъ объ этомъ прямо. Здѣсь-же мы видимъ и самую перемѣну, воплощенную въ постоянство. Г. Писаревъ, ожидая, что ему это замѣтятъ, старается увѣрить и себя и своихъ читателей, что въ немъ поворота никакого не произошло. Это справедливо. Поворотъ дѣло серьезное, за нимъ идетъ постоянство и послѣдовательность; за скачками-же не можетъ ничего послѣдовать, кромѣ прыжковъ. Мы не считаемъ нужнымъ защищать Пушкина. Это былъ-бы съ нашей стороны очень неловкій поступокъ. Мы только скажемъ г. Писареву, что если онъ Пушкина называетъ поэтомъ въ зародышѣ, то ужъ мы давно вправѣ, его самого назвать публицистомъ въ зародышѣ и развитіи. Безцеремонность, съ

какою онъ относится къ публикѣ, тѣмъ болѣе даетъ намъ это право.

Въ этомъ, впрочемъ какъ и во всемъ, г. Писаревъ тоже является не оригиналомъ, а подражателемъ. Вотъ обрачки того краснорѣчія, которое боится говорить объ очахъ и локонахъ и не стѣсняется никакими фразами въ брани. - «Гёте мнѣ не Гёте, чортъ мнѣ не братъ, всѣ люди дураки и знать никого не хочу... А подлець Михрюшкинъ!.. Забастоваль не во-время... Уймись, любезный, помажь свои душевные порывы деревяннымъ масломъ и прикрой тряпочкой.» Что это такое? - Галантерейное, чортъ возьми, обхождение с публикой, показываніе себя передъ ней въ халатѣ, товарищеская, неидущая къ дѣлу фамильярность и отсутствіе всякаго уваженія къ читателю, смѣсь высокомерія и мужиковщины. Китайскія церемоніи смѣшны, но отбрасываніе всего порядочнаго въ пріемахъ - дикость. Публика не такъ глупа, какъ думаютъ многіе авторы. Между читателями есть много и такихъ, которые

поумнѣй любого писателя, которые не пишутъ только потому, что нѣтъ случая или не имѣютъ времени, чтеніемъ-же занимаются въ видѣ отдыха отъ другихъ, спеціальныхъ своихъ занятій. И вдругъ эти люди, которыхъ теперь не мало, слышатъ... Ты публика глупа, ты публика умница! Развѣ читатели ваши ученики, господа авторы? Или у нихъ нѣтъ языка, вкуса, что вы пересыпаете свои статьи перцемъ вмѣсто соли. Перебранивайтесь между собою, но публику не трогайте: ей не нужна ни ваша лесь, ни ваша фамиллярная грубость. Пустословіе все это, пустословіе, и тѣмъ болѣе странное и неумѣстное, что идетъ изъ подъ пера талантливыхъ людей. Выдумали еще давать другъ другу прозвища, дразнить, какъ бывало въ школѣ. Если прозвище неостроумно, такъ берутъ тѣмъ, что надоѣдаютъ повтореніемъ.

По истиннѣ велико обезображена наша жизнь. Города-ли, гдѣ прячемся отъ природы (и нигдѣ нельзя такъ отъ нея спрятаться какъ въ Пестербургѣ), школы-ли



съ ихъ казарменно-бурсацкимъ оттѣнкомъ, сухой-ли формализмъ и перегородки общества, нужда-ли неотступная, которая поглощаетъ всѣ наши помыслы, - но только эстетическое чувство въ нашемъ образованномъ обществѣ едва шевелится, нравственное начало не живетъ. Отъ этого-то имѣли такой успѣхъ у насъ всѣ теоріи безобразія. Все хотятъ взять нахрапомъ... Нахрапомъ не много возьмешь. Вандализмъ в литературѣ никуда не годится и даже обезсиливаетъ ее. Это-то и дѣлаютъ наши косолапые прогрессисты. Въ человѣческомъ словѣ есть сила болѣе упругая, которой ничто не можетъ противостоятъ, если оно будетъ высказываемо гармоническимъ, а не силнымъ голосомъ. Кто въ это не вѣритъ, тотъ не вѣритъ въ литературу. Истина голая и ободранная пугаетъ часто человѣка, и чѣмъ, какъ вы думаете? - Односторонностію. Только односторонность обнажена и ободрана. Односторонность-же не истина, а искаженіе ея. Истина полна и свѣтла, если въ полнотѣ и безъ пристрастія

выставлена. Въ этой красотѣ и правдѣ своей она одолѣваетъ все. И тиранъ покоряется жертвѣ, когда жертва заговорить изъ глубины человѣческой души.

Но кромѣ желанія преодолѣть препятствіе и двинуть человѣчество впередъ, у слова есть еще другая цѣль. Нищету, пороки, невѣжество должно стирать съ лица земли. Къ этому мы обязаны стремиться, въ этомъ заключается первая задача человѣчества; но къ этому мы едва-ли придемъ такъ, какъ-бы мы желали. Только самый отчаянный оптимизмъ, забывающій о слабостяхъ, недостаткахъ и физическомъ неравенствѣ людей, можетъ на это разсчитывать. Сама природа наложила на насъ цѣпи, которыя мы будемъ потрясать. Геологія тоже не обѣщаетъ золотого вѣка, а отдаляетъ только неминуемую гибель міра. Стоитъ только вспомнить о землетрясеніяхъ съ трещинами и разсѣвшимися пространствами, о волканахъ съ

похороненными подъ ними городами, о моровыхъ язвахъ съ сотнями тысячъ жертвъ, чтобы убѣдиться, что природа неумолима и горе всегда будетъ оборотною стороною радости. Страданія не исчезнуть съ лица земли, счастье не сделается первымъ лицомъ въ мірѣ. Да и что такое въ такомъ случаѣ счастье? Люди не будутъ всѣ богатыми. Если порокъ въ состояніи разбить даже и талантъ, то что-же сказать о болѣзни? И развѣ физическія только одни страданія на свѣтѣ? А нравственные? А честолюбіе, а отвергнутая любовь, а потребность высказаться при недостаткѣ внутренняго генія, а вѣковѣчная и безпредметная тоска человѣческой природы при всякомъ достиженіи чего-нибудь постояннаго и окончательнаго въ жизни, а вопросы, на которые еще нѣтъ отвѣтовъ, и которые всегда будутъ, - и неудовлетворенное самолюбіе? - Вслѣдствіе этой-то неизбежности страданія, людямъ нужна поэзія, безъ которой человѣкъ сдѣлался-бы мученикомъ. Человѣкъ въ горѣ, сердце его разрывается отъ отчаянія,

но онъ не унываетъ (разумѣтся мы предполагаемъ челоѡка простого, мало отдѣлившагося отъ природы); выходить на воздухъ, видить небо, видить природу, вѣчно спокойную, - поеть и съ пѣснею улетаетъ его горе. Поэзія въ этомъ смыслѣ утѣшительница нашей невеселой жизни. Есть поэты, которые освѣжаютъ вашу душу смѣхомъ или смѣются сквозь невидимыя міру слезы; есть и такіе, которые говорятъ, вмѣсто словъ, изображаемыми ими людьми; въ этихъ поэтахъ всегда больше вѣры и прямого непосредственнаго утешенія. Но есть еще поэты неутѣшающіе и безутѣшные, которые до такой степени поражены настоящимъ и будущимъ бѣдствіемъ челоѡчества, что самую скорбь поставили какъ-бы на мѣсто радости. Къ числу такихъ принадлежитъ Байронъ. Онъ не проповѣдуетъ радости, а какъ-бы обезоруживаетъ самое горе. Скорбь мелкую обращаетъ въ скорбь высшую, міровую. Подымаетъ этимъ страдающаго челоѡка. Никто не въ состояніи такъ примирить челоѡка съ необходимостію горя и

неизбѣжностію несчастія, какъ Байронъ. Это какъ-бы вѣчный скиталець, который, взирая на міръ, не смѣется надъ его слабостями, не радуется его добродѣтелямъ, а до того сочувствуетъ его вѣковѣчнымъ несчастіямъ, что безутѣшно скорбитъ. И скорбь эта совсѣмъ не бесплодна...

И вы хотите лишить значенія поэзію! Не новые вы люди, а люди веселые. Думаете отнять у народа пѣсни и дать ему кусокъ хлѣба. Не отнимете вы у него этой пѣсни. Пѣснь эту поетъ цѣлый народъ съ-обща: одинъ начинаетъ, другой доканчиваетъ, одно начато мужчиной, другое вырвалось прямо изъ женской груди. И такимъ образомъ, впродолженіи многихъ вѣковъ безотрадной исторической жизни, тянуль народъ нашъ свою то грустно-удалую, то наивно-величавую пѣсню. Пѣсня также нормальна, какъ и обыкновенный разговоръ. Почему-же всѣ народы на свѣтѣ поютъ и пѣли? Почему-же человѣкъ начинаетъ пѣть самъ чуть не съ перваго

года жизни? Найдите хоть одного человека, который в каком-бы то ни было возрасте не ощущал иногда потребности запеть. А ведь пѣсня-то и есть поэзія. Зачѣмъ-же уничтожать пѣсню и поэзію? Зачѣмъ рѣзать носы? Никогда вы не уничтожите пѣсню и поэзію, никогда никто не дастъ вамъ добровольно отрѣзать свой носъ. По вашему пѣсня не дѣло и экономически вредна, потому что безъ пользы. А по нашему въ ней и дѣло и чрезвычайная польза: она освѣжаетъ и поддерживаетъ организмъ, какъ и всякая поэзія. Безъ поэзіи организмъ утомляется, устаетъ, становится вяль, сонливъ и неспособенъ на воспріимчивость. По вашему поэзія ложь, а по нашему - высшая правда. Это - образъ правды, въ ней заключается надежда на правду даже для отчаявшагося человека. Неужели вы не понимаете этого? Кто не чувствуетъ той невидимой нити, которою она насъ связываетъ, чье сердце не бьется подъ звуки ея родныхъ мотивовъ, - тотъ еще не русскій. И куска вы ему тоже не дадите, потому что на это нужна любовь къ

нему, а не презрѣніе, - гуманное чувство, а не эгоизмъ скряги, - нравственное эстетическое желаніе добра, а не польза, сидящая верхомъ на выгодѣ. Выгода пожалуй подскажетъ вамъ что не надо подавать. Да и непременно подскажетъ. Думаютъ сдѣлать капиталиста полезнымъ руководителемъ народнаго труда, во сто разъ полезнѣйшаго всякаго филантропа, давши ему только полное научное образованіе. Что это вы проповѣдуете? Ужь не Ротшильд-ли это комплиментъ? Капиталь растетъ и живетъ только въ себя, если его не согрѣваетъ сила любви къ человѣчеству. Сердце вы дайте капиталистамъ, а голова у нихъ есть, не беспокойтесь...

Чтобы народъ учился и пользовался выгодами, которыя даетъ образованіе, надобно по вашему создать побудительную причину. - Что-же это такая за причина? - Усиленный запросъ на умственную дѣятельность. - А это что такое? Это какимъ образомъ сдѣлаешь? - Пусть

каждый дѣйствуетъ собственнымъ примѣромъ и непосредственнымъ вліяніемъ въ томъ кружкѣ, гдѣ онъ живетъ... и тогда народъ выучится самъ собою, помимо народныхъ школъ. Проповѣди, какъ ясно изъ этого, ставятся выше школъ. Что-то ужъ очень сомнительно - отдавать народное образованіе на произволь отдѣльныхъ личностей, безъ всякой ассоціаціи педагогическихъ силъ, и главное безъ всякаго опыта. А школа вѣдь изъ опыта выходитъ. Что-же заставить эти отдѣльныя единицы, этихъ проповѣдниковъ, носиться съ свѣтильникомъ истины? Это имъ неизвѣстно.

Чтобы отвѣтить на этотъ и подобные вопросы, они не хотятъ заглянуть себѣ въ душу и разглядѣть, что въ ней не одинъ только эгоизмъ, что начало гуманное столько-же увлекаетъ насъ, когда мы ему слѣдуемъ, какъ и мучитъ, когда мы, не разглядѣвши его, живемъ ко вреду общества. Совѣсть, - это неотступное требованіе, никогда неумолкающій голосъ



нашего существа, - заставляет насъ дѣйствовать не по однимъ умственнымъ соображеніямъ, всегда идущимъ въ нашу пользу, но и по выбору нравственно-эстетическаго чувства, котораго источникъ - окружающее; изъ окружающаго, изъ сценъ жизни и картинъ природы, а не изъ воздуха выросло это чувство; въ воздухѣ же растутъ одни теоріи. Этотъ-же выборъ натурального чувства, щупающаго, такъ сказать, природу и жизнь, есть и основа творчества. Между наблюдаемыми и отраженными въ душѣ поэта образами онъ тоже выбираетъ. Творчество и практическая дѣятельность въ этомъ смыслѣ параллельны. По этому-то мы и говорили прежде, что умъ только пролагаетъ дорогу, а фантазія даетъ содержаніе нашей дѣятельности. Непризнаніе поэзіи, какъ самостоятельной сферы, и недовѣріе къ гуманности, какъ къ отдѣльному элементу, - одно и тоже, однородныя мнѣнія. Эгоистъ, на обыкновенномъ житейскомъ языкѣ, означаетъ человѣка безъ сердца, а

такому человѣку поэзія не пойдетъ въ голову.

И вотъ этотъ-то сухой безсердечной эгоизмъ и диктуетъ г. Писареву мысли, что безкорыстный трудъ молодежи въ школахъ есть напрасная трата силъ и отвлеченіе ихъ отъ собственныхъ занятій и что молодые люди эти были также мелки въ своихъ чувствахъ, какъ и наши филантропы купцы. Фразы эти опять доказываютъ, что г. Писаревъ столько-же блестящій и смѣлый говорунъ, сколько плохой мыслитель. Нѣкоторыя изъ тѣхъ школъ, захотѣвши быть болѣе чѣмъ школами, не удались какъ извѣстно, такъ и слѣдовало; онѣ не могли удалиться, потому что сами грѣшили, но то, что было чистаго и искренняго въ желаніи принести пользу было бы не дурно при другомъ направленіи. Мы изъ этого знаемъ, что если у насъ и не умѣютъ иногда дѣлать дѣла, то все-таки мы еще не умерли. А эта важная надежда для нашего оторваннаго и незнающаго куда приткнуться общества. Тѣ, которые подобно критику «Русскаго

Слова» считают гласность слишком низкимъ дѣломъ, не знаютъ о чемъ говорятъ. Умѣть читать и писать почти также необходимо, какъ умѣть говорить. Это было принципомъ еще средневѣковыхъ евреевъ, а потомъ лютеранъ. И если первымъ не принесло пользы вслѣдствіе замкнутости и гоненій, то у вторыхъ сдѣлалось главною силою. Для грамотнаго и хоть и необразованнаго человѣка есть еще вѣроятность, а иногда большая, просвѣтиться; для безграмотнаго-же міръ науки и искусства какъ-бы не существуетъ; онъ какъ-бы глухъ, не имѣетъ для того необходимаго чувства. Онъ какъ отрезанный ломоть для человѣчества. Изобретеніе Гуттенберга, преобразившее людей, для него не существуетъ. Для безграмотнаго, можно сказать, всѣ книги запрещены. Намъ случилось разъ видеть наглядное выраженіе той жажды, которою мучатся часто простолюдины, неумѣющіе читать. Это былъ старый солдатъ, служившій сторожемъ при московскомъ театрѣ. Всякій разъ, когда вывѣшивали

новую афишку, онъ смотрѣлъ на нее съ самой неподдѣльной грустью. Однажды мы застали его чуть не въ слезахъ; подлѣ него стоялъ маленькій мальчикъ, читавшій по складамъ, съ протянутымъ къ афишѣ пальцемъ. «Саламандра или пламя любви, повторялъ старикъ, чуть не хныча; балетъ въ трехъ дѣйствіяхъ», и тутъ голосъ его порвался. Мы думали, что онъ пьянъ, и неосторожно спросили объ этомъ посторонняго. - Не пьянъ я, сударь, а безграмотенъ, произнесъ старикъ съ такимъ неподдѣльнымъ чувствомъ, какое мы рѣдко въ этомъ родѣ видѣли. Люди, учившіе въ школахъ, были, какъ извѣстно, люди безъ средствъ. У нихъ была только одна собственность, одно средство - средство къ знанію, они имъ и дѣлились. Давать грамоту выше, чѣмъ давать деньги. Благороднѣй, человѣчнѣй этой милостыни мы не знаемъ. Милостыня эта столько-же возвышаетъ дающаго, сколько и того, кому даютъ. И надо было видѣть съ какой охотой бѣжали дѣти къ своимъ учителямъ, часто противъ воли своихъ родителей. Это

явленіе народной нашей жизни заставляетъ вѣрить, что нашему народу вообще свойственны такіе порывы, свойственна гуманность. Всѣ наши добродѣтели и слабости указываютъ на это. Мы экспансивны, гостепріимны, щедры до смѣшного; широкая натура (какъ это слово ни опошлось у пошлыхъ людей) по преимуществу наша. Нѣтъ народа, который-бы такъ легко примирялся съ иностранцами и котораго-бы они такъ легко эксплуатировали. Отъ физическихъ-ли условій, отъ широты-ли неогороженнаго ничѣмъ пространства, но только мы русскіе не родились эгоистами.. Мы даже и сознаемъ весьма часто, что насъ эксплуатируютъ, но пренебрегаемъ этимъ, какъ-то съ высока равнодушны бываемъ, - тогда какъ эксплуатирующій плутъ думаетъ, что это и богъ знаетъ сколько для насъ значить и что мы не догадываемся оттого, что дураки. Конечно это не разсчитливо, невыгодно для насъ, - но право не дурно.

Вѣдь я все-таки выше моего плута въ эту минуту стою, и что всего лучше это самъ сознаю. Доктрина эгоизма есть собственно ученіе чужое.

Не пойдѣмъ за г. Писаревымъ далѣе. Какъ вполнѣ расчотливый эгоистъ, старающійся всегда согласить пользу другихъ съ своею (его слова), онъ, унижая народныя школы, выхваляетъ въ то же время популяризироваіе. Ревность его тутъ такъ велика, что онъ утверждаетъ, что хорошій популяризаторъ приносить больше пользы особенно у насъ въ Россіи. Замѣчательна эта оговорка: особенно у насъ. Она показываетъ неполное убѣжденіе въ томъ, о чемъ говорилось. У учонаго изслѣдователя мысль будто-бы прыгаетъ какъ бѣлка на колесѣ, а у популяризатора нѣтъ такихъ прыжковъ. Намъ кажется наоборотъ. Сколько напримѣръ лишнихъ словъ, ненужныхъ прибавленій и анекдотовъ въ физиологіи Люиса и сколько изумительно сжатой ясности и богатства фактовъ въ физиологіи, обработанной

Сѣченовымъ. То писалъ популяризаторъ, это учоный изслѣдователь, знающій предметъ какъ свои пять пальцевъ. Правда, что учебникъ Сѣченова все-таки назначень не для массы; но воображаемъ, что-бы написалъ г. Сѣченовъ, если-бы ему вздумалось написать популярную книгу. Мы не совѣтуемъ, и только хотимъ объяснить примѣромъ, что популяризованіе заключается не въ вставкахъ ненужныхъ вещей между нужными, а въ уясненіи, въ ясности. А ясность не можетъ быть тамъ, гдѣ размазня и желаніе пережевать все своимъ ртомъ и положить даже читателямъ въ ротъ. За популяризованіе у насъ больше берутся люди, неспеціально знающіе науку; отъ этого дѣятельность ихъ не всегда основательна. Они приносятъ много пользы, но пользу эту нельзя все-таки сравнивать съ пользой настоящихъ работниковъ науки. Самъ г. Писаревъ соглашается съ нами, что популяризаторы необходимы какъ мелкая монета, безъ которой крупную трудно было-бы пустить

въ оборотъ. Но можно-ли, скажите, мелкую монету сравнивать по цѣнности съ крупной? И достанетъ-ли у всякаго охоты набивать карманы мѣдью или, при желаніи познакомиться съ наукой, пробавляться безконечными статьями, вмѣсто учебниковъ. Первыя потому теперь такъ нужны намъ и цѣнны, что у насъ нѣтъ хорошихъ учебныхъ заведеній и много такихъ людей, которые начинаютъ учиться поздно. Умно и складно составленный учебникъ, гдѣ концентрируется наука, выше и полезнѣе всякой популярной статьи, и каждая статья г. Шелгунова по исторіи не стоитъ и одной странички такого учебника, какъ учебникъ Виталія Шульгина. Говорить, что популяризированіе выше изслѣдованія, толкованіе выше текста - значитъ не знать науки. Всякое новое открытіе, всякій разработанный фактъ, входя въ науку, дѣлаютъ ее яснѣе, а потому всякій учебникъ понятнѣе популярнѣе. Если наука нелегко доступна для постороннихъ, то это оттого, что она обстроена лѣсами, на которыхъ работаютъ



и по которымъ карабкаются учоные. Неясность науки, какъ и неясность пониманія природы зависятъ отъ неполноты собранія фактовъ, отъ неразработанности ихъ. Поэтому учоный изслѣдователь и составитель учебника есть въ тоже время и популяризаторъ, въ высшемъ значеніи этого слова, и составить хорошій учебникъ - это великая заслуга. Когда дѣятельность популяризаторовъ и компиляторовъ беретъ перевѣсъ надъ дѣятельностію чисто научной, общество не бываетъ въ выигрышѣ. Это всегда признакъ паденія или слабаго развитія науки. Убѣдительнѣйшее доказательство этому приводитъ самъ г. Писаревъ. «Когда Египетъ былъ обращонъ въ римскую провинцію, александрійская наука пала... Музеумъ существовалъ по прежнему... Но не было въ ихъ трудахъ той свѣжей оригинальной мысли... Началось компилированіе старыхъ авторовъ. Самостоятельныя изслѣдованія прекратились.» Можно-ли съ большею искренностію опровергать себя? Строки эти впрочемъ мы нашли уже не въ той статьѣ,

гдѣ защищалось популяризированиѣ, а въ другой, съ нею рядомъ помѣщонной.

И какъ эта мысль глубоко вѣрна и примѣнима въ отношеніи той дѣятельности, которой однимъ изъ лучшихъ представителей является самъ г. Писаревъ. Эта дѣятельность до безконечности не оригинальна. О самостоятельныхъ произведеніяхъ говорится неуважительно, а о переводахъ какъ о великихъ событіяхъ. Переводы конечно дѣло полезное; незнающіе иностранныхъ языковъ должны быть за это очень благодарны; не все-таки это польза только для незнающихъ, для науки-же вообще это переливаніе изъ пустого въ порожнее. Да и учащіеся были-бы не въ проигрышѣ, если-бы, вмѣсто переведенныхъ книгъ, имъ предлагали самостоятельно обработанныя. Русскій умъ, думается намъ, скорѣе-бы схватилъ и усвоилъ составленное русскимъ умомъ. Дѣятельность переводчиковъ и популяризаторовъ почтенна, полезна; но она не должна идти слишкомъ въ ущербъ самостоятельной дѣятельности. Путь

переводовъ, компиляцій и подражанія, которымъ думаютъ нѣкоторые вести Россію, - путь торный и короткій, но неплодотворный. До оригинальной самобытной дѣятельности этимъ путемъ не доберешься. Въ этомъ смыслѣ дѣятельность очень многихъ просвѣщенныхъ господъ можно назвать просто переводомъ. Они кажутся оригинальными и самостоятельными только до тѣхъ поръ, пока не узнаешь источниковъ изъ которыхъ они черпали. А какъ познакомишься съ этими источниками, такъ увидишь только переводъ, чистый переводъ, и иногда еще сильно извращающій текстъ.

И въ какой гармоніи это почти аристократическое пристрастіе нашихъ публицистовъ ко всему заграничному, выписному, съ тѣмъ неуваженіемъ, которое они оказываютъ къ своимъ роднымъ писателямъ. Только Текерей, Дикенсъ да Жоржъ-Зандъ и хороши; писатели эти конечно геніальны, но все таки беллетристы. Пушкинъ-же, Гоголь -

настоящіе художники: они не писали такихъ безконечныхъ романовъ; они не требовали отъ читателя такой страшной траты времени, какой требуютъ англійскіе и французскіе романисты. Тѣ пожалуй и хороши, юморъ ихъ силенъ, наблюдательность мѣтка, мыслей много, да все это распущено въ морѣ воды, затоплено многословіемъ. У насъ какой-нибудь Обломовъ считается длиннымъ романомъ, а тамъ такихъ коротенькихъ романовъ и не пишетъ никто. Вотъ что выходитъ изъ сравненія нашего русскаго генія съ западомъ. Какъ-бы это ни показалось на первый разъ страннымъ, но мы думаемъ, что геній нашъ короче, сжатѣй, на него больше разсчоту и надежды.

Впрочемъ это относится болѣе къ будущему, а въ настоящемъ мы еще мало чѣмъ отстали отъ иностранцевъ въ многословіи, пустословіи и сквернословіи. Одинъ умный талмудистъ, помнится, объясняетъ происхожденіе книгъ такимъ образомъ. Сперва была одна книга - библія, потомъ ее раздѣлили на двѣ части, потомъ

еще на двѣ; и за этимъ уже пошли сочетанія, перемѣщенія и прибавленія, и изъ этого вышли всѣ книги. Такимъ способомъ составляется у насъ премногое множество книгъ. Такъ что литература есть своего рода талмудъ, въ которомъ неопытный человѣкъ какъ разъ затеряется. Исторію слова коротко можно изобразить такъ: сперва научился человѣкъ говорить или, что тоже, мыслить и чувствовать въ слухъ. Рефлексы головы нашли, что называется, конецъ свой въ словѣ. Далѣе изобрѣтены были письмена, сперва идіологическія и силлабическія, а потомъ наконецъ фонетическія - азбука. Послѣднее изобрѣтѣніе Карлейль называетъ величайшимъ изъ всѣхъ, а Платонъ приписываетъ даже Богу. За этимъ изобрѣтѣніемъ было новое средство для передачи мыслей и чувствъ - книгопечатаніе, которое начало расти, расширяться; появились статьи, книги, бібліотеки, громадности которыхъ нельзя надивиться. И все это растеть прогрессивно. Безпокоиться много объ

этомъ конечно нечего: опытный человекъ и въ старомъ хламѣ найдетъ что ему нужно; но все таки нельзя не замѣтить того явленія, что добытые факты и выработанныя идеи ужь черезъ чуръ разбѣхались по сотнямъ, тысячамъ, милліонамъ книгъ. Расширенію слова должно положить конецъ. Энциклопедическіе лексиконы и учебники составляютъ ужь нѣкотораго рода шагъ въ этомъ дѣлѣ. Энциклопедизмъ XVIII столѣтія показаль ужь свою силу. Но этого еще недостаточно; слово должно еще болѣе сѣузиться, сконцентрироваться; вмѣсто фразъ должны быть мысли и чувства, одѣтыя въ человѣческіе звуки. Языкъ долженъ быть не только выразителенъ, но и полонъ жизни, а для этого онъ прежде всего долженъ быть кратокъ. Этого требуетъ и недолговѣчность нашей жизни, и безконечное желаніе истины. Зачѣмъ я живу на свѣтѣ, спрашиваетъ одинъ философъ у природы? За тѣмъ, отвѣчаетъ она, чтобы проглотить нѣсколько капель изъ моего молока, побыть нѣсколько

мгновеній на моей груди и потомъ заснуть - уйти въ безконечность. Хорошо-ли мы дѣлаемъ, что эти немногія мгновенія тратимъ на произношеніе громкихъ фразъ. Фразы заѣли насъ, фразы засѣли намъ въ головы. Фразы тамъ сидятъ вмѣсто логическихъ истинъ; фразы путаютъ намъ ноги, вяжутъ руки; и дѣло черезъ нихъ не спорится, и мы, толкуя о голодныхъ и раздѣтыхъ людяхъ, ничего не дѣлаемъ, а только говоримъ.

...И вся наша плодовитость, при всей энергіи и свѣжести силъ, остается часто бесплодною.

Общество наше, вслѣдствіе самой неопредѣленности положенія, принуждено впрочемъ болѣе говорить, чѣмъ дѣлать. Бельтовыхъ у насъ еще болѣе, чѣмъ Рудиныхъ... Всѣ кричатъ что дѣлать, что дѣлать? И никто не знаетъ. Одинъ тянетъ въ одну сторону, другой въ другую; и оттого не двигаемся, а стоимъ на одномъ мѣстѣ. Сколько опрометчивыхъ сужденій, высказанныхъ наскоро, объясняется теперь въ нашей литературѣ. Бѣлинскій не

вслѣдствіе невѣжества, а вслѣдствіе торопливости и погони отнесся такъ ошибочно къ петровской реформѣ, эти-то ошибки вѣроятно и сдѣлаются предметомъ будущихъ реалистическихъ критикъ. Добролюбовъ тоже не напаль-бы на Пирогова, если-бы побольше вдумался въ дѣятельность этого мало говорившаго человѣка. Романъ «Что дѣлать» тоже-бы сократился въ небольшую повѣсть, если-бы художническая сдержанность, а не любовь къ лишнему руководила авторомъ: настоящее эстетическое чувство есть врагъ многословія. Всѣ нападки публицистовъ на искусство, поэзію, живопись тоже-бы конечно не существовали, если-бы публицисты эти не страдали страшною болѣзней нашего вѣка - многословіемъ. И зачѣмъ, скажите, существуетъ эта тьма статей, которыя такъ и остаются дѣвственными, никѣмъ непрочитанными. Тяжело положеніе человѣка пишущаго и немогущаго свое писаніе напечатать, но еще тяжелѣе, мнѣ кажется, положеніе человѣка, который печатаетъ и котораго не читаютъ



или не дочитываютъ. Все равно, что говорить на вѣтеръ. Какже-бы это такъ сдѣлать, чтобы слава не пропадала даромъ, не оставалась безъ дѣйствія? Многіе радуются увеличенію числа листовъ и страницъ нашей журналистики; но въ этомъ едва-ли есть выигрышъ. Журналы наши не столько умнѣютъ, сколько полнѣютъ. Многіе и до сихъ поръ остаются заграничными вѣстниками. Прежде этою литературною дородностію славились «Отечественныя Записки»; теперь это свойство переходитъ кажется къ «Современнику». Когда-же наконецъ перестанемъ мы щеголять своей фигурой. О газетахъ уже и говорить нечего: ихъ не столько читаютъ, сколько перелистываютъ.

Правда, что авторы чрезъ это сокращеніе слова сначала-бы проиграли, - публика отчасти уже привыкла цѣнить все по количеству, а не по качеству; но за то какъ-бы выиграли читатели. Сколько-бы у нихъ осталось времени, чтобы подумать самимъ вмѣсто автора. Концы статей, всегда болѣе скучныя чѣмъ начала,

доказываютъ самымъ яснымъ образомъ, что авторы себя насилюють, что способности ихъ не выдерживаютъ и утомляются. При сжатости и сдержанности и самое слово имѣло-бы болѣе вѣса, какъ въ глазахъ общества, такъ и въ глазахъ правительства. Другой-бы администраторъ и прочоль, да гдѣ-же одолѣть статью, которая написана какъ-бы для людей, у которыхъ и дѣла нѣтъ другого, какъ только читать статьи. Все мы съумѣли сократить, и время, и пространство: по дорогамъ мы летаемъ, извѣстія передаются съ быстротою молніи; механической трудъ единицъ обратился въ трудъ гигантовъ-машинъ. Одна только мысль наша гуляетъ дальними дорогами, извивается по кривымъ путямъ и расплывается въ неясныхъ образахъ и водянистыхъ фразахъ. Такъ что геніальная сатира надъ многословіемъ и нерѣшительностію Гамлета до сихъ поръ примѣнима къ человѣчеству.

**НИКОЛАЙ СОЛОВЬЕВ.**

